

Информационно-энергетическое издание Ассоциации «Женщины в науке и образовании»
119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, биологический ф-т, каф. биофизики, тел.: (095) 939 0289, факс: (095) 939 1115
e-mail: ejz@magis.bionet.ru <http://magis.bionet.ru/giante>

Что такое СВОБОДА

Свобода — это, по-моему, когда себя не бояться.

Я недавно шла до метро с умным человеком. Он — математик, учитель, человек, на мой взгляд, блестящий, голова прикурана и язык как бритва. Говорили о пустяках — о математике, об искусстве. «Знаете, что у них общего?» — «А по-Вашему что?» — для себя-то я знаю. «Математику и искусство роднят две вещи. 1. И математика, и искусство имеют дело с идеальными понятиями, нет ведь ни круга, ни треугольника. 2. Они работают с бесконечностью». Люблю бесконечность — от нее дует. А, может, из нее? Во всяком случае, мне сделалось лестно за искусство. Но еще приятнее — быть справедливым. «Только они, что ли? А биология?» — «Биология? Нет! Именно математика. И искусство, как мне кажется». Так, вечность, овечность, словцо Мариной Цветаевой, квинтэссенция массового сознания. Одна только буква *в*играла в «вечность» в «овечье стадо». Нас защемило этой дверью и дерганье наше меж вечностью и овечностью — бесконечность. Занятно! «Вот и напишите об этом в «Удачу», — это я вспомнила ближние задачи. «Ну, что вы, Зоя Евгеньевна, это же такой триюизм!»

Ладно. Я в том же день задала этот вопрос пяти человекам, каковы я считаю вполне мыслящими и не чуждыми проблеме. Все сказали, что надо подумать, сразу — они не могут, им нужно время, чтобы сформулировать. Они мне чуть позже позвонят. Ни один — не позвонил. А когда я позвонила, то все разными словами объяснили, что вопрос этот очень серьезный и они не рискуют так просто на него ответить. «Да я же и не рассчитываю на какой-то окончательный ответ! — взоприди я. — Мне просто интересно, чего вы лично про это думаете!» Но все как-то мямлили и ни за что не хотели мысли свои, которых не отрицали, как теперь принято выражаться, «озвучить».

Я кое-чего уже начала понимать. Но, чтобы убедиться, позвонила еще первоисточнику и сообщила, что не такой уж это триюизм, ибо никто ничего подобного мне за отчетный период не сообщил. И вдруг услыхала: «Нет, Зоя Евгеньевна, я писать ничего не буду, потому что категорически не хочу вступать на территорию, где я не специалист». — «Вот это да! — ошарашилась я. — Тогда мы все должны круглосуточно молчать, поскольку тот клочек, где мы действительно специалисты, столь мизерен, что просто не о чем будет разговаривать». Он засмеялся: «Может, Вы и правы. Но я, извините, не могу. Боюсь выглядеть профаном». Черт, а я-то считала, что он ничего не боится. Я же видела, как он бесстрашен на уроках, в математических статьях своих и как бескомпромиссен в суждениях.

Так. — подумала я. Значит и другие-пятеро, и не знаю, сколько еще! — просто боятся как-то не

1994 год. Зачинщики: Елизавета Граевская (Москва), Инна Емельянова (Нижний Новгород), Галина Ризниченко (Москва), Ирина Гудович (Воронеж)

Ассоциации — официальное ее имя «Межрегиональное Общественное объединение ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ» — ПЯТЬ лет. Я не знаю, что правильнее — «еще только» или «уже». Наверное — «уже». Потому что я помню ощущение тягостного бессилия, которое все мы испытывали в начале девяностых, когда наука и образование в стране, казалось, вот-вот рухнут — массовые отъезды, никакое финансирование, падение престижа интеллектуальных профессий, уход молодых и сильных исключительно в бизнес, мужчины в вузах вдруг сделались раритетом, женщин — под 80. где и 90 процентов, наша разрозненность и разрушение информационного поля, чреватое полным разрывом профессиональных и человеческих связей. Помню нашу первую конференцию в Суздале. 93 год. где нас было немного, у нас ни у кого не было организационного опыта, мы почти не знали друг друга. И какое-то оголенное, звенящее чувство ответственности, толкнувшее нас друг к другу, буквально — бросившее нас друг к другу и заставившее объединиться, чтобы внятно сказать «нет» грядущему развалу:

Да. именно «уже», в этом крохотном слове есть удовлетворенность свершения. Ведь кое-чего мы за пять лет добились! Сейчас в списках Ассоциации — более 1000 женщин России и СНГ. У нас — официально зарегистрированные отделения в Адыгее. Астрахани. Волгограде. Воронеже. Красноярске. Нижнем Новгороде. Пензе, Саратове, Твери. Хакасии (Абакан). Чувашии (Чебоксары), Санкт-Петербурге (пока незарегистрированное, но сильное). Участницы наших конференций из других стран создали сестринские организации на Украине (Харьков), в Крыму (Севастополь). Израиле (Реховот). Мы проводим по три конференции ежегодно и провели их. страшно произнести, уже 19, сохранив все три направления, которые для себя выбрали: «Женщины-математики» (где, кстати, и мужчин все больше). «Математика. Компьютер. Образование» (меньше 200 человек не бывает сроду) и «Нелинейный мир» (что самое сложное, ибо междисциплинарность и разные языки), выпускаем тезисы и труды, на кафедре биофизики биофака МГУ ежемесячно и бурно про-

так выглядеть, если они собственные свои мысли выскажут. Но он — по инерции своего профессионального бессстрашения — формулирует, почему не будет. А другие — значит — сроду и этого не скажут. Так вот для чего, выходит, нужен нам Сузdal' 96, 99 и далее! Чтоб умные люди сами себя не боялись и смело выходили за пределы себя, привычного. Иначе ж мы все усохнем, а судить отрядим лишь безразборных профанов.

Ведь для того, чтобы выйти за пределы себя, нужно только себя — иметь. Больше, по сути, ничего и не нужно. Чтобы было из чего выходить-то! Ясное дело, что этот предмет — ты сам! — наиболее непостижим и для каждого из нас загадчен, хоть именно с ним мы всю жизнь остолбенели и сталкиваемся, ему, родимому, удивляемся, учимся с ним, единственным, управляясь, ищем для него цели и выбираем средства, им томимся, его жалеем и им же — тайно или открыто — гордимся, какой он. оказывается, молодец вопреки и во имя и какой же — при этом — тупарь-тупарем при неизбытных своих высоких потенциях.

Ужас как хочется — судьбу себе облегчить. То есть принять бы намерто одну какую-нибудь на все случаи точку зрения, набросить на этот неиссякаемо-внезапный мир какую бы никакую, но единственно верную сетку, встроить бы этот бешеный мир и себя в какую бы классификацию, научную ли, бытовую ли. Чтоб сидеть удобно и профессионально. Сами знаете: черное-белое, плохой-хороший, лицо-кавказской-национальности — лицо-некавказской. Можно легко окунуть и непринятость, я уж не раз слыхала на вящих сбирающих — «Главное, выбрать правильный агрегатор!» — «Нет, это не мой агрегатор, мой — вон тот». Выбирается — опять же — как единственно верная тропка, на словах только непринятость, открытая и неравновесная Синергетика, не успев еще окрепнуть в умах как мировоззрение, уже камнеет на глазах, превращаясь в языковой штамп. Видимо, в связи с этим и вскапели сейчас страсти о границах ее применения. Но дело, на мой взгляд, не в границах, а в нашем собственном ленивом нежелании осознать, для самих себя, живую глубину новых терминов и мгновенное приспособление новых понятий в качестве спасительных старых тотемов.

Если уж говорить о классификации, то лучше, что мне на этот счет встречалось, предложил Х.Л.Борхес, хитро ссылаясь на китайскую энциклопедию «Небесная империя благодетельных знаний». Многие, небось, помнят. А звучит так: «Животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) бегающих, как сумасшедшие, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой на верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветную вазу, о) издалека кажущихся муham»

И не в художественности ее сила. Нет, сила — в холизме. Ибо цельность тут возникает только тогда, когда на каждый пункт успеваешь создать свою логику, оценить ее целостность и красоту. Насладиться и тут же, со следующим пунктом, эту прижившуюся уже красу, мгновенно и радостно выкинуть, чтоб найти другую. Снова удивиться и оценить. И опять скакнуть. Ух, какая вольная, упругая и гибкая сила в этих перепадах! Сам себе — уже в радость. И только вкупе этих бесконечно разнообразных углов и поворотов зрения — на мой взгляд — и рождается цельность буйства жизни, в котором мы зачастую так смешно неповоротливы.

Нового тут — ни квака. Принцип дополнительности Бора? Он! Гедель со своим следствием? И он тоже! Любимый мой Витгенштейн? А как же! И Илья Романович Пригожин, и Сергей Павлович Курдюмов, который — вот он, рядом, и Василий Васильевич Налимов — со своим миром непроявленного и скрытого смысла. Да все они! От нас нужно лишь бессстрашие — отказываться от собственного

1994 год. Ух, как глядит Юрий Михайлович Романовский на нашего первого секретаря-бухгалтера-всё Люду Тимофееву, беззаветности которой Ассоциация по гроб обязана. Может, он в чем тогда сомневался?

Надо при случае спросить...

ходят собрания членов Ассоциации, работает семинар «Непринятоый мир», у нас есть совместные фанты, совместные статьи и исследования, есть собственная, хоть и редкая. «Госпожа Удача», и многие из нас погружились за эти годы. У нас есть ощущение прочного тыла и общего культурного пространства.

Сузdal' 99. Никто давно ни в чем не сомневается. Живем красиво!
Слева направо: Е.В.Иванова (Пенза). Е. М.Трифонова (Реховот, Израиль).
О.М.Миттельман (Санкт-Петербург), Б.В.Раушенбах (Москва),
З.Е.Журавлевая (Санкт-Петербург-Москва), Г.М.Абрамов (Москва),
А.В.Гиглавый (Москва). И.А.Евин (Москва), Н.Е.Шурыгина (Санкт-Петербург).
Э.Н.Трифонов (Реховот, Израиль).

В женской нашей (по главной своей направленности) Ассоциации начисто отсутствует и изначально отсутствовал даже намек на страдательное канюченье, что, может, мы в чем-то, в силу рождения, вдруг да неполноценны или ущемлены. Пожалуй, можно сказать, что мы своей общностью культивируем в себе и друг в друге ощущение радостной

либо общего штампа, да хотеть прыгать, хотеть знать и быть готовыми к восторгу мысли.

Я, честно, вообще-то классификации обхожу стороной. Ну их совсем! Слишком уж неотвязны и нагло овладевают. Но свою, собственную, тоже — естественно — имею. И я ведь не совершенство! Я для себя делю человечество только на две группы, чтоб мне проще. Первая — любит то, что она знает. Представители этой категории чрезвычайно устойчивы, перемен чураются, плохо их переносят, счастливы в знакомом, лишь хорошо обжитом, кругу, часто — профессионально могучи, но столь же часто абсолютно беспомощны на отдыхе, вне основной работы, на пенсии, во внезапных условиях жизни, а у нее подых за каждым углом. Новое частенько сперва воспринимают либо как глупость, либо как оскорбление. С искусством, на мой взгляд, у них особенно, как принято сейчас выражаться, «непростые» — ощущаете вязкую и непроверенную силу этого определения, ныне тотального — отношения, хоть много тут и людей искусства. Вторая половина человечества — ну, меньшая половина — любит как раз то, чего не знает. И, по моим наблюдениям, эти — веселее. И себя не боятся. Мир предлагает такую роскошную бездну незнаемого, куда сладостно ворыться, что просто скучно думать — как ты выглядишь и вдруг не то сказал.

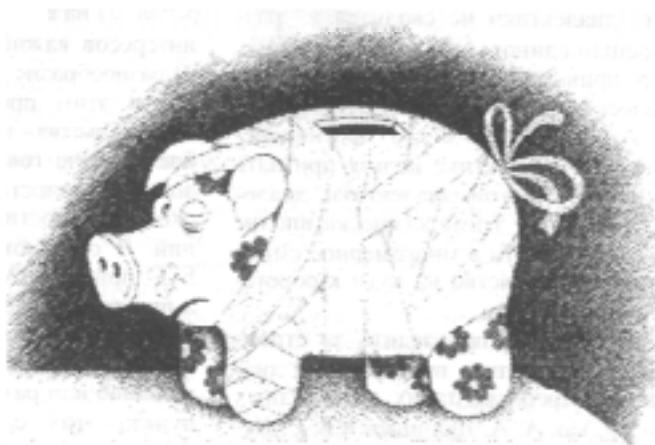
По-моему, это и есть свобода.

Зоя

КОПИЛКА АССОЦИАЦИИ

О спонсоры, вы где-то есть!
И нам порукой — ваша честь,
мы смело ей себя вручим,
но вы — безадресны, как дым.
Глядите, как грустна Копилка.
А мы бы вас любили пуще!

Художник Игорь Шинкар
Слова народные

Внимание! Ближайшая конференция!

В Международная конференция из серии «Нелинейный мир»
«Информатика. Образование. Экология и здоровье человека»
состоится в Астрахани 25-30 сентября 2000 года

Организаторы: Министерство общего и профессионального образования РФ, Департамент общего и профессионального образования Астраханской области, Российские Ассоциации «Женщины в науке и образовании» и «Женщины-математики», Астраханский государственный педагогический университет, Астраханский областной институт усовершенствования учителей.

Секции: 1. Нелинейное мышление в науке и образовании. 2. Проблемы экологического образования. 3. Экология и здоровье человека. 4. Педагогические технологии. 5. Компьютеры в образовании. 6. Гуманитаризация и интеграция образования.

Круглые столы: 1. Женщины в науке и образовании. 2. Экология и мы.

Оргкомитет: 414050, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, АГПУ, Аммосова Надежда Васильевна
Телефон: 8(8512)25-16-90 (раб), 33-57-15 (дом),

Факс: 8(8512)25-17-18 ПФ, Н. В. Аммосовой
E-mail: astpedun@astranet.ru
URL: <http://mars.boiphys.msu.ru/awse>

**Следующая VIII конференция «Математика. Компьютер. Образование»
состоится 29 января-3 Февраля 2001 года в Пущино.**

профессиональной и человеческой полноценности. Чувство это чрезвычайно живительное и для работы, и для семьи, и для мировосприятия вообще. Помогает сохранять доброжелательную гибкость в отношениях и не терять себя в стремительно вихляющейся нашей действительности. И ведь ничто так не заражает, как уважение к самому себе! Даже и не берусь перечислить мужчин-ученых, примкнувших к нашему движению и ставших настоящими друзьями Ассоциации. На конференциях стало ощутимо больше молодежи, что особенно радует. И вот еще что. За эти годы мы практически не потеряли ни одного человека: кто хоть раз попал на любую нашу конференцию, приезжает еще и еще. становится своим. Это, может, признак самый существенный — мерило притяжения.

В конце концов, объединение порядочных и умных людей, по определению, должно же притягивать. И потому бессмертны слова любимого толстовского героя Пьера Безухова, которые я не устаю повторять: «Вся моя мысль в том, что если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать то же самое. Ведь как просто». Все мы знаем, что это не просто, но зато — как хорошо и надежно! Сейчас, через пять лет, мы все ощущаем эту добрую силу, которая родилась, окрепла и естественно живет в нашей Ассоциации.

так верно так верно зпт абсолютно верно зпт так верно так верно зпт так
так так верно зпт все так подтверждают зпт верно верно верно подтвержд
подпись неразборч

К целостности аналога

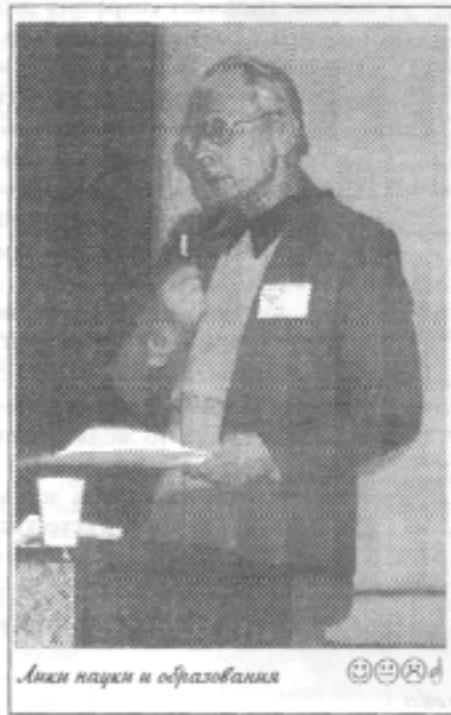
Целостность — основная категория всего живого.

Г. Дриш

Согласие, сотрудничество, сознание благотворно сопровождают человечество на пути к единению через культуру. Слово «диалог» всё явственнее звучит в названиях международных конференций. Однако обычно, в силу привычки, утрамбованной веками господства бинарной парадигмы, имеется в виду диалог двусторонний: физики—лирики, правые—левые. Запад—Восток и т. п. При этом всегда угрожает опасность превращения диалога в неразрешимый спор, если не привлекать со стороны дополнительные соображения, третейского судью. меру компромисса. В бинарном представлении целостность недостижима.

Переходя к троичной структуре, нет необходимости искать другой термин, так как в широком смысле диалог — это разговор нескольких лиц. не обязательно двух, ибо приставка здесь не «ди-» (два), а «диа-» (сквозь, через), как в словах: диагноз, диаскоп, диаграмма. Точно так же суть диалектики не сводится к «раздвоению единого...», как с некоторых пор привыкли считать многие наши философы. И потому введение термина «триалектика» в его противопоставлении диалектике нельзя признать удачным. Понятия диалектики, диалога, диахронии этимологически вполне способны выйти в многомерное смысловое пространство на пути к обретению целостности.

Любопытно проследить за стремлением осмыслить пространство диалога в переписке таких незаурядных людей, как А. А. Любящев и Б. С. Кузин. В письме от 02.10.49, т.е. ровно 50 лет назад, Борис Сергеевич сформулировал следующие три условия продуктивного и интересного диалога: 1) твёрдая уверенность, что твой противник может тебя понять; 2) такая же уверенность, что он хочет тебя понять; 3) признание за противником полного и законного права иметь от-

личные от твоих мнения. Раскрывая каждое из этих условий, Александр Александрович 09.11.49 предложил свои: 1) наличие общих интересов; 2) наличие в сфере этих общих интересов важных спорных проблем; 3) разнообразие подходов у диспутантов к этим проблемам; 4) наличие «искательства» в области данных проблем, иначе говоря, отсутствие твёрдой уверенности в правильности и окончательности намечаемых решений. В ответном письме от 24.11.49 Б. С. признал. «Мы вовсе и не спорим, а просто излагаем друг другу каждый свою ересь,цепляясь только за те положения, которые дают повод к обоснованию или развитию того или иного пункта этих ересей... Конечно, во всём нужно звать меру. Но эта мера, как такт, вкус и тому подобные почти синонимы, абсолютно иррациональны. И я боюсь, что Ваши попытки подвесить рациональный базис под них окажутся мало обоснованными».

Возвращаясь к этому вопросу через 22 года в переписке с А. А. Гурвич, Б. С. отмечает: «Самое главное

при всяком разговоре точно знать сферу взаимного понимания, чтобы не выходить за её пределы и этим не превращать беседу в спор... Вероятно, в основе споров заложено стремление к подавлению чужой индивидуальности. Не потому ли так несносны спорщики-профессионалы?... Борьба с чужой индивидуальностью приводит только к взаимному отчуждению, к утрате собеседника». И далее: «Я не могу представить никакого порядка, никакого космоса, возникшего без участия творческого начала... Мне кажется, что без полного единства разных сторон индивидуальности (интеллектуальной, эстетической и моральной) абсолютное начало не может быть воспринято так органично, как воспринимал его Бах».

Рассматривая приведённые соображения с позиций тринитарной методологии, оснащённой семантической структурой

интуицию

/ \

ratio — эмоции,

можно различить следующие аспекты полезного, живого, целесообразного диалога:

взаимный интерес

/ \

общая основа — различие мнений

Согласно принципу неопределенности-дополнительности-совместности. каждая пара этой системной триады находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задаёт меру совместности. Чрезмерное усиление или ослабление любой компоненты нарушает действенность, жизнеспособность, целостность диалога как саморазвивающегося организма. Ту целостность, которая так нужна для гармоничного самоощущения человека среди людей, а в глобальном масштабе - для достойного поведения человечества в этом усложняющемся мире.

Рэм Баранцев

Санкт-Петербургский государственный университет

Всем! Всем! Всем! Чтоб все знали!!!

Удивительная книжка родилась в Воронеже. Называется недоступно-просто — «Естествознание», а читается взахлеб. Есть и уточнение: «10 класс». Эх, кабы мы хоть десятую долю того замечательного, что в этой книжке, знали, нам бы на всю жизнь хватило! Не. знаем. Но в этом и Прелесть, что можно теперь узнать. Или, может, дети узнают и сразу будут добре и умнее, чем мы. Книжка, кстати, — победитель Конкурса учебников нового поколения для средней школы, а Конкурс проводился Национальным фондом подготовки кадров и Министерством образования России. От души поздравляем Фонд и Министерство. Но кого уж действительно поздравляем — так это авторов: Ларису Александровну Битюцкую, Владимира Сергеевича Еремина. Владимира Семеновича Чеснокова и Ольгу Борисовну Дементьеву. Их учебник, на наш взгляд, — отважная попытка ощутить, нет, как бы заново и самим — пережить вместе с читателем развитие естественнонаучных идей в общем историческом контексте культуры и искусства, схватить жизнь духа. Задача, мы понимаем, необоримая. Но у них — получилось! Книжка вышла в Москве и заказать ее можно по адресу: Россия, 107078, Москва, Рязанский пер, 3, издательство АСТ-ПРЕСС. Телефоны: 8(095)265-84-97 и 265-83-29, e-mail: a.st-pr-e@postman.ru Мы уже заказали! Этот необычный учебник стоит иметь — независимо от возраста, образования и профессии.

Жизнь маленького городка, аспект — образование

Мятущиеся ма-
маши со чадами
между муз-, худож-,
языковыми и прочи-
ми школами.

Азарт впихнуть в
детей с пеленок все,
что можно, успеть за-
скочить в стреми-
тельно мчащийся эксп-
ресс. Конвой образования запущен
для каждого, достиг-
шего 3-летнего возра-
ста. Кто не успел за-
нять места, заброни-
ровать как можно
больше направлений,
тот не просто опоз-
дал, он безнадежно и
навсегда отстал —

поезд образования не ждет, оставшиеся на перронах
обречены не попасть в спецклассы, школы, к лучшим
педагогам, В спецгруппы, неявно, неписано формирую-
щиеся самими же активными мамашками.

Итак, утром в коридоре — пакеты, сумки, мешки с
нотами, красками, бассейновыми вещичками,
танцшмотками (-апельсинами, йогуртами, соками, все в
двух экземплярах.

А те, у кого трое и больше, — запросто могут коман-
довать армией, руководить заводом-кем-и-чем-угодно.
Организация жизни, времени — поминутная, деятель-
ность всегда и давно полипроцессуальная, будь то ра-
бота, быт, отдых, учеба... Родитель — он же разводя-
щий, приводящий, встречающий, проверяющий, за-
брасывающий, беседующий, у мамашек каблуки от
сапог летят за один сезон.

Одних детей пока нельзя — малы и время не наше с
ключами на шеях. А пустишь невзначай в свободное
плавание — начинается: по уши мокрые в единственной
в городе луже, зайдут не туда, куда надо — наоборот —
не дойдут, про все занятия позабыли, пакеты перепутали,
оказались в конце концов в Макдональдсе. И все-
таки иногда приходится общаться записками, звонками,
на ходу. Речь — междометиями, безличными предложе-
ниями, повторяется все по пять раз: вымой руки, съешь,
выпей, сядь за пианино, прочитай 20 страниц, возьми
фартук для скульптуры, не забудь сменку, сок, ключи.
Встречная мамашка, пробегая из лазерного центра через
бассейн в музыкальную школу, сообщила про отчетный
концерт, о котором все забыли в суете. Через полчаса

все гладится, стирается, опять нет пары для носков, хотя
давно покупается одного цвета, фасона, размера. Уф,
успели, улыбки, ноктюрны, божественный Бах, сын иг-
рает на сцене, можно сделать выдох.

Родительская жизнь сама по себе еще интереснее.
Беготня днем по поводу научно-педагогических изыска-
ний, зарабатывания на жизнь — после укладывания де-
тей спать возобновляется с повышенной интенсивнос-
тью. Гудит один компьютер, другой, затягивающий Интер-
нет, книги, книги, компьютерные программы по раз-
личным областям приложения некорректных обратных
задач, лекции, у меня, у него, Слов между уже нет, не-
когда, мысли сконцентрированы, звучит телек, магни-
тофон, телефон. А за стеной в другой комнате несколько
дней гостит знакомый немец, ничего не понимающий
про Россию, про нашу жизнь. Ужин, рюмка чая, еще и
еще по русскому обычаю за встречу. Он — спать, дети —
спать, мы — за работу. Через два часа выглядывает из
своей комнаты —

мы «пашем», он —
закусывает, снова
спать, В два часа
ночи снова появ-
ляется из своей
комнаты — у нас
работа кипит, ино-
гда компьютер
заменяется рисов-
анием, плавани-
ем, теннисом. Так
всю неделю у него
на глазах наша
жизнь, а каждое
утро в 6.30 подъем,
детей — по шко-
лам и вперед — в
новый день.

Работа, бегот-
ня, привод, отвод,
уроки, работа, лекции, наука, зарабатывание денег па
жизнь. Между делом стремительно готовятся обеды,
ужины, стирается, гладится, пылесосится, моется, ме-
няются в коридоре сумки, пакеты...

«Да, эта страна непобедима!» — сказал на прощанье
после недели пребывания у нас, уезжая в свой разме-
ренный спокойный мир, наш дорогой друг из Герма-
нии.

Елена Арефьевна

Троицк, Гуманитарный ц-
Московского ин-та коммунального хозяйства. Лиши. Колледж и т.д.

странный аттрактор — мир притяжений.
Зимняя школа — мир отношений.

Мир не двоится — двоится сознание:
то ли от водки, то ли от познания.

Нам понравилось! Чувствуете, с ка-
кой силой вонзилась в молодой гумани-
тарный организм синергетическая па-
радигма? До развоения сознания! Но не
разрушив оного, а, наоборот, вызван
огромный энергетически-поэтический
импульс, что свидетельствует о созида-
тельной мощи естественнонаучного зна-
ния. И о необходимости междисципли-
нарных общений. Этот стишок, на наш
взгляд, обладает еще одним бесценным
свойством: он — тест на наличие юмора
у непосредственных устроителей Шко-
лы и у наших читателей. Ибо в нем, ко-
ротеньком, голографически точно и
эмоционально безошибочно отражена
самая суть познания — его неизъясни-
мая притягательность.

Пишите нам в «Удачу»!

Тропы познания

С 1 по 12 февраля 2000 года, при финан-
ансовой поддержке Института «От-
крытое общество», в Воронеже состоя-
лась Воронежская зимняя школа «Тех-
нология "Интернет" и математическое
моделирование в гуманитарных науках и
образовании». Она прошла при органи-
зационном сопровождении нашей Ассо-
циации, а Ирина Семеновна Гудович,
которую все мы знаем и любим, была
менеджером проекта (председатель
Оргкомитета — ректор ВГУ И.И.Бори-
сов, руководитель проекта — Ю.В. По-
корный). Организаторы ставили своей
целью обучение молодых преподавате-
лей Центрально-Черноземного региона,
работающих в области гуманитарных и
социальных наук, современным и ком-
муникационным технологиям, в том
числе технологиям Интернета, методам
математического моделирования, а так-
же приобщение гуманитариев к миро-

воззренческим теориям, в основе кото-
рых лежат физико-математические идеи
и представления о нелинейной природе
сложных систем, в том числе историчес-
ких, социальных, языковых процессов и
психики человека.

Темы, как видите, более чем серьез-
ные. И, как всегда в Воронеже, Школа
была превосходно организована и про-
шла на самом высоком уровне. Слушате-
ли, молодые преподаватели ВУЗов Чер-
ноземья, их было приглашено около
сорока, — Школу дружно хвалили, ра-
довались, как им повезло — на эту Шко-
лу попасть, все до одного обещали напи-
сать в «Г-жу Удачу» про высокие свои
впечатления. Написал один: Виталий
Зотов, г. Курск, государственный техни-
ческий университет, кафедра филосо-
фии. Он так написал:

Слито в едино — без объяснений:
символ и слово, слово и символ,
сила и образ, образа сила.
Слито и едино.... без откровений:

Елена Валентиновна Иванова как счастливый канон

В ноябре 1999 года исполнилось 20 лет пензенской Детско-молодежной Студии «Росток», возраст непредставимый для самодеятельного коллектива с учетом стремительной смены наших режимов-вкусов-ценностей. Художественный руководитель Студии Елена Валентиновна Иванова — профессиональная драматическая актриса, интересно работала в театрах Петрозаводска, Липецка, Грозного, Пензы, всегда совмещая это с самым для нее любимым — занятиями с детьми. «Росток» постепенно стал главным в ее жизни. И она оставила профессиональный театр — не потому, что там не заладилось, а по свободному выбору души. Ушла туда, где ей — необходимей, трудней и счастливей. Елена Валентиновна — давний член нашей Ассоциации; вместе с тремя старшими своими студийцами — Ларисой Шаминой, Олегом Горбуновым и Дмитрием Монаховым — она участвовала в Суздале-96 («Математика и искусство») и Суздале-99 («Языки науки — языки искусства»).

Лица науки и образования 2000

Мы ехали вместе из Суздаля и, наконец, разговаривали. И она рассказывала мне, какая в Пензе жизнь: довольно, по ее словам, спокойная жизнь, этой осенью набрала в Студию малышей, очаровательных, такие рыбки, есть с кем работать, дома стало проще с хозяйством, через день она варит казан пшенки с луком и через день — макарон, иногда с морковкой, этого хватает на всех, кому надо, и возни почти никакой, греются газом, конфорки на ночь не выключают, это удобно, потому как тепло, деньги больше — экзотика, хоть без них все же никак, старшие, особенно — у кого дети, работают в трех-четырех местах, ну, как всюду, на Студию уже нету времени, вот это плохо, некому с новыми рыбками заниматься, но кое-кто — далее длинный ряд знакомых имен: Ларочка, Дима, Олежек, Миша, Сережа, Виталий, Катя, Саша, etc — пока, конечно, есть, а вот недавно один ребенок, у нее все — ребенки, этому далеко за двадцать, заработал — сбоку, сбоку, на заводе с весны не платят — бешеную сумму, сто восемьдесят, помоему, рублей с чем-то, и она ему все расписала, что купить, живет-то один, тут она, как всегда, легко вставила для меня биографию ребенка, она ему расписала — муку, чай, сахар и прочее, и была за него целую ночь спокойна, а утром он пришел в Студию какой-то уклончивый, глаза прячет. «Я ему говорю — купил? Ой, — говорит, — Елен-Валентинна, я только чаю купил, попались исключительные записи-пластинки Александра Сергеевича Пушкина. Представляешь? Все деньги просадил!» Я — представила. «А зачем ему столько Пушкина?» — «Ой, Зоха, он такой умный! Они у меня все исключительно умные!» Я понимающе хрюкнула. Она светло обиделась, вообще-то обижаться не умеет, все несовершенства мира относя исключительно на свой счет. «Ты же знаешь, какие они!» — «Да знаю, знаю, успокойся!» Тут она на меня

пронзительно глянула. «Чего у тебя лицо такое? Мы же сами себе жизнь выбрали. Вон на рынке требуются прядильщицы. Так я ж — не пойду! Была и буду работать в культуре». Ух ты, давно не слыхала, чтобы скучожившееся слово «культура» звучало так гордо.

Что тут скажешь? Да ничего. Кроме того, что она умеет быть счастливой, потому что жизнь свою делает сама и ничего ни от кого не требует, кроме своих детей, каковым от шести до тридцати, наверное, трех. И от них она тоже не требует, а душу им вынимет, коли они не соответствуют тупым ее правилам — не соври, не предай, дал слово — дер

жи, искусство — это высоко, сцена — это работа, а жизнь это — добро, но дисциплина и спрос с себя, понять не всегда значит простить, но простить надо уметь. И т. д. Слушать ее сентенции — па мой избалованный вкус — утомительно, настолько они не-

модны и однообразны. И вид ее не внушает уверенности, что она знает, как надо жить. Ибо одета она невпопад, не причесана вовсе, а просто волосы красивые, сами лежат, речи ее просты до примитива и вкусы ее старомодны, добро да добро, ну, чистый попугай. Крупный, веселый, говорящий. А лицо свежее, ни морщинки, будто умыто из горного ручья, словно бы никаким сомнением не тронуто, может — мыслью, глаза блестят за очками горячо и наивно, что такая удивительная вокруг жизнь.

Как же это она, моя подруга Лена, ныне — Елена Валентиновна Иванова, бывшая драматическая актриса, чьи даже крошечные характерные роли я и через тридцать с чем-то лет счастливо помню, оставившая без сожаления профессиональный театр, где ее никто не гнал, простодушная и бесстрашная моя Ленка, — среди бешеного нашего кипятку — создала, придумала и выпестовала, хранит, лелеет и держит несгибаемую эту страну именем Студия «Росток»? Как же ребенки-то ее не устали от страстной ее настырности и дикого ее занудства, чтоб они круглосуточно соответствовали упретым ее стандартам? Почему давно — с удалыми криками — не разбежались мальчишки-девчонки по вольным подворотням, где никто не требует высоты, а свобода низкого так сейчас соблазнительна? Почему не уходят они стройными рядами ну, хоть бы в Школу карате, что так модно и, заодно, отбьешься потом в собственном подъезде, а старшенькие — хоть в Школу менеджеров, что ведь так перспективно? Почему ж ее близкие-старшие идут, как заговоренные, в Педагогический институт, а после него — не по фирмам, а прямо — в школы? И у них, у всех, такие осмысленные, красивые лица, хоть пиши

Спектакль «Воспоминания об Онегине». Узнаете? Александр Сергеевич Пушкин, он же — Саша Сусович. Вдали — друзья-лицеисты.

Фото Валентина Душинина

с каждого портрет? И вот еще я на чем себя поймала, вовсе уж бред! Оказывается, когда я вдруг впадаю в сомнения, целы ли мы еще, не рухнула ли человеческая наша сущность от очередных наших передряг, живы ли еще краеугольные наши вера-надежда-любовь-культура-вообще, я прямым ходом несусь именно к Ленке в Пензу. И именно Студия «Росток» всякий раз возвращает мне уверенность, что мир — цел, он по-прежнему прекрасен в своей повседневности, неколебим в простых человеческих ценностях и притягателен силой искусства. Но оживив возле Е.В. и благодаря Е.В. свой уставший организм, я тут же начинаю к ней притираться.

Зачем же так прямо? Девочку надо уважать! «А с ребятней, Зока, иначе нельзя». Да за что? Какая ведь еще девочка, — скажет современный мальчик. Любую. Надо. И ведь ощущима эта трепетность: мальчиков — к девочкам. Девочки, кстати, не красятся, она в Студии этого не разрешает, лицо должно быть — свое. Любит косы. Кто может — выращивает. Красиво! «А мальчиков — что, не надо, что ли, уважать?» — «Что ты?! Мальчиков-то — тем более. Они, знаешь — какие хрупкие! От ерунды могут сломаться. Мальчики очень зависят от того, какие девочки».

бегала. Белые, с рюшечками, помнишь? Буквально даром! Накуплю платьев и снежинки у меня — как невесты!» А изверившаяся мама юного джентльмена, по привычке, обшарила перед сном его карманы. Обнаружила деньги. Сторяча въехала сыну по физиономии. Он хлопнул дверью. Прибежал ночью к Лене через весь город. И, думаю, был хорош — так, что даже она испугалась: «Солнышко, ты чего?» — «Да мать...» — только и успело молвить Солнышко. «Ты что, сволочь, мать ударил?!» — «Как можно, Елен-Валентинна! Она ж — женщина».

Грубо как: «сволочь», мальчику, художественный руководитель. Она, что же, и так с ними разговаривает? Нет, не так. Это у меня, может, прозвучало грубо, ибо слово невынимаемо из контекста, смысл его — в интонации, в выражении лица и всплеске рук, во всей многогранности момента и атмосферы, за словом, под словом и в тенях слова. Здесь — болевой шок, обоим участникам вполненятый. Ибо покушение на основы: «мать — это святое». Грозит разрывом отношений. Потому и ответ столь ошеломительно точен: «Она ж женщина». Чувствуете? И что, на мой взгляд, особенно ценно: ответ — инстинктивен, как броситься в реку спасать ребенка. Это, значит, уже у человека

в костях — «надо уважать», потому что иначе сам себя уважать не сможешь». Не знаю, как она этого добивается. По совокупности. Знаю только, что грубое слово в коллективе Студии непредставимо вообще. Хоть, сами догадываетесь, новички зачастую только с тем и приходят, («летает, как шелуха. И все они, большие и маленькие, завидно терпеливы и обходительны друг с другом. Ей-ей, производят впечатление прямо-таки благовоспитанных. На концертах, когда выступали где-нибудь в парке или в каком еще людно-случайном месте, не раз среди зрителей слышала: «Ну, это детишки по конкурсу. Небось, одни отличники». Это мамы-папы так реагировали на веселую слаженность и недостижимую всеумелость: только что был в хоре солист, уже он даму свою ведет, как в кино «Война и мир», и вдруг он — мим, да как здорово, и сразу — уже на флейте играет, нет, уже на рожке, глянь — уже он с барабаном. А, помню, в Астрахани — я с ними однажды на фестивале была — меня поймал в коридоре директор гостиницы: «Вы, вроде, с ними? Странные ребята какие-то...» — «А что?» — испугалась я. «Ничего не разбили. В душе после них чисто. Не орут. И учительница, эта, полная такая, не видать, чтоб командовала...» — «Ааа, — засмеялась я. — Это самоорганизация из хаоса». — «Научный

городок?» — догадался он.

«Так и сказал? — смеется. — Ну, это ты, Зока, сама сейчас придумала». — «Да клянусь!» Хотя отчасти она права. Я нарочно путаю лица и факты, чтоб никто из них ненароком себя не узнал. Отношенья людские слишком интимны. Я, увы, не рискую приводить тут гениальные ее ходы во благо ребенков, потому как все это — живое, единственное, настоящее на тонкой психологической связи и беззащитном доверии. Это все — их тайны, их победы и их тихие битвы. Мы, предположим, порадуемся, прочитав, а там может оборваться тонюсенькая ниточка, робко протянувшаяся от маленького человека к миру. Не актеров же, в самом деле, растит Елена Валентиновна Иванова в своей Театральной Студии! Нет, театр, столь нами с ней любимый, — лишь роскошное и неисчерпаемое средство, чтоб ребенок был счастлив, напотом и сейчас, мог бы во всем сам себя попробовать, ощущал восторг высоты и прекрасный озоб сопричастности. За двадцать лет через Студию прошло почти триста человек. Ну, прошли и прошли. А потом вдруг видишь такие поучительные сценки. Ей, к примеру, вступило в голову вытащить человек двадцать в Москву

«Вспоминания об Онегине». Добрый (Виталий Соколов) и Злой (Дмитрий Монахов) Гении А. С. Пушкина

Фото Валентина Душина

«А девочки?» — «Девочки? От того, какие мальчики». — «Так это ж замкнутый круг». — «Ага. Я же в нем и кручуся. Ничего нельзя пропустить». Вот недавно человек, седьмой класс, носил серьгу в ухе, как человек. И ему, кстати, шло. Но он репетировал не то князя Горчакова, не ТО барона Дельвига. И она сказала: или серьгу вон, или из Студии! Он, ясное дело, дал понять, что серьга дороже. Ну, значит, другой будет барон. «Ужас как я переживала! Ведь гордое такое дите, не придет завтра». Но назавтра исчезла серьга. Пустяк? Или не пустяк? «Не знаю, Зока. А промолчишь — человека можно потерять». Может и так. У меня в голове с давних лет засел такой еще случай из практики. Студия тогда только-только начиналась. И прибрался мальчик, как тогда выражались — трудный, в школе его ловили на воровстве, еще где-то, слухи, что с шайкой связан, приводы в милицию, скандалы в доме, до драки с собственной матерью. В Студии он как-то быстро прижился. У него получалось. «Деликатное такое было дите. А как с маленьенькими возился! Как нянька». Денег у Студии, как всегда, не было, и мальчишки разгружали вагоны — на декорации к Елочкам. «И, Зока, по комиссионкам за свадебными платьями

на фестиваль. Это — сейчас, в наши жесткие времена! При казане с пшеникой на всех! «Они ж, Зока, в последние годы ничего не видят. Л музеи? А театры? Нет, так нельзя!» И ведь — вытащит, вот в чем гвоздь. Потому как в самый последний момент, когда все рыданья ничего не дали, вдруг кто-то откуда-то пригнит щелястый автобус, чтоб они немедленно с визгом в него запрыгнули и катили за семьсот с лишним верст г, метель с песнями. Этот кто-то — всегда бывший студиец, его — вроде бы — давно потеряли. Или, может, родитель бывшей студийки, который, кстати, с Еленой Валентиновной вечно скандалил, что дочь до двенадцати ночи болтается в каком-то ДК неизвестно зачем. А когда этот сказочный драндулет уже готов тронуться, вдруг подбегает полосатый громила с мешком: «Ой, Елен-Валентинна, думал — опоздаю. Я тут муки немножко принес. Пригодится». — «Спасибо, солнышко. Я всегда знала, что ты добрый». А из автобуса радостный вопль: «Стасик!» — или «Митя!», или «Рыжий!», или еще как-то. — «Давай с нами!» Это, значит, тоже свой человек, бывший студиец. А сейчас у него палатка на рынке, он случайно узнал, что они собрались, вот, успел. «Зока, знаешь, как много хороших людей? И все мне помогают. Я — правда — везучая!»

И в Москве, можете быть уверены, они попадут всюду, куда Елена Валентиновна выберет: в Ленком, в Сатирикон или к Фоменко. «Я больше ничего не могу. Но для моих рыбочек я могу». Видела я, как это бывает, для меня это — всегда загадка. У театра — столпотворенье. Ленины дети жмутся к стенке, они же непривычные к столичным нравам. Администратор, известное дело, волк. И к окошку-то не пробиться. Но Елена Валентиновна весело уходит внутрь. Ее долго нету. Возвращается. Подает нам оптимистические знаки, чтоб, мол, надеялись. Опять скрывается. Снова выходит. И еще. И еще. Там, небось, уже начался спектакль. Народ рассосался. Одни торчим на ветру. Лена — тоже с нами, молчит, ни малейших признаков беспокойства. Двери уже изнутри закрывают. Вдруг высакивает какой-то ферт, как потом выясняется — именно сам администратор.

Для меня Студия это школа, в которой учат ценить добро, дружбу, любовь и в «свободное» от этого времени учат играть спектакли, и это тоже немаловажно.

Саша Васильев, в Студии 4,5 года

«Росток» — это жизнь, в которой мы живем, как в сказке. Каждый день мы попадаем в сказку, в разные приключения.

Ира Сабша, в Студии — год

В Студии я учусь играть на гитаре, делать декорацию, и учусь руководить. Потому что это пригодится в будущем.

Виктор Соколовский

Студия для меня — это второй дом. Студия для меня, практически, как семья.

Саша Чавкин, в Студии 6 лет

Для меня Студия — это все!!! Вот этот рисунок все и говорит (*Рисунок редакция потеряла!*). Цветы — это мы, студийцы, а ваза — это Елена Валентиновна, которая нас всех держит в своих руках.

Аня. я занимаюсь 5 лет

Раньше, до того, какходить в Студию, мне было очень плохо. Но Студия помогла мне. Для меня Студия — друг.

Ольга Пустовалова. в Студии год

В моей жизни самое большое, что было, — это наша Студия. Наверное, я в ней родилась. И живу до сих пор. Я жива, пока жива наша Студия. В Студии мои дорогие мне люди — мои друзья, моя семья... С ними я радуюсь, грущу, взлетаю и падаю. И, наверное, такая, какая я сейчас, — это благодаря нашему «Ростку».

Наташа Горбунова (Хонина). В Студии 18 лет

Пусть его новые товарищи тоже увидят и им всем легче будет служить. Представляю, как она все это объясняла военному министру! Он, правда, в те времена не так был занят. А Студию, между прочем, всюду пускали. И вот еще что: каждому мальчику, кто служил, каждый день писали письма. И от них каждый день получали. Эти толстые связки я сама видела, кое-что читала. Если б мне такие письма писали, я б, наверное, совершила бы для человечества что-нибудь выдающееся: открыла бы, например, пенициллин или написала б «Ромео и Джульетту». Помню, как в Ленинграде она бросилась на шею своему ребенку, который — в полной форме и при ружье — стоял в карауле перед каким-то секретным заводом. Прямо с поезда понеслась. «Я, Зока, так по нему соскучилась! Девочки пирожков напекли!» Ребенок окостенел, стоит, шевельнуться не может, скинуть ее стесняется, рад, конечно, до смерти. Я — предусмотрительно — в стороне. И была права. Тут же возник какой-то военный начальник: «Мамаша, назад! Буду, черт, стрелять, что ли!» Она — начальству: «Солнышко, это же наш Сережка. Мы, знаешь, как по нему соскучились». Потом мы в дежурке пили чай с пирогами. «Ты хоть думай, чего ты делаешь. Это все же армия». — «Да мне, Зока, некогда с ними думать. Я — нутром. Мир-то держится на любви».

Ее ученик несколько лет назад сделал хороший спектакль. Ну, сделал — это, пожалуй, слишком сильно, но придумано было интересно, глубоко и даже изысканно, и отдельные сцены пульсировали живым, не в силах соединиться, чтобы стать именно спектаклем. Умения не хватило, что естественно. И тогда за дело взялась

Фото Валентина Душкина

Лена, как это в театре: пришел мастер, что-то чуть приглушил, там сократил, тут выкинул, здесь на миллиметр переставил, это — светим, то — музыкой. И вдруг заиграло! Ученик: «Вот ведь не скажешь, Елен-Валентинна, что Вы такая уж умная или такая уж у Вас эрудиция и высокая культура, а как у Вас это получается?» — «А вот это, Андрюшенька, и есть талант». Я обмерла. Царский ответ! Мгновенно, кратко, попадние в сердцевину, и ухом не поведя, даже и не заметив, и па миг не потеряв главного — того, что рождалось на сцене. Насладившись ответом, я вернулась к вопросу и нашла его, мягко говоря, излишне вольным. Оскорбилась за Ленку. Он, которому она все, что он умеет и когда-нибудь будет уметь, оценивает, видите ли, ее культуру и эрудицию! Попыталась сказать это Елене Валентиновне. Выяснилось, что она вообще этого эпизода не помнит. А когда я растолковала, эффект был бурный, но совершенно же не тот: «Напереживалось дите!»

Вот в чем, наверное, главная ее сила — счастливая естественность, с которой она живет этой общей нерасторжимой их жизнью, именуемой Студия. Никогда не пожелала она для себя ничего, чего не может иметь с ними вместе, и никогда им ни в чем не соглашалась. Поэтому они возникали, возникают и будут возникать вокруг нее. У ребенков — неистребимым духом на настоящее. Л она всегда будет ставить спектакли про любовь, потому что это — настоящее.

Здесь мы, наконец, мягко приблизились к последнему спектаклю Студии, о котором меня с первых строк так и тянет поговорить. Удивительный этот спектакль — «Воспоминания об Онегине». С трудомдерживаюсь, чтобы не повторять все время слово «удивительный», потому что все тут поистине удивительно. Пушкину на сцене — лет 8 — 9, никакого «Онегина» он, само собой, еще не писал, это вообще — сплошь предчувствие — жизни, судьбы, героев и персонажей, они — сновиденьем или прозрением — рождаются в воздухе. И у Пушкина тут — две музы, против обыкновения мужского рода, Злой Муз и Добрый. Чертит-знает, что это за жанр, означенный автором как «несерьезная фантазия на пушкинские темы», — то изящная пародия, то вдруг почти школьный литеинтаж, то вдруг Чеховым саданет, го смешно до колик, то вдруг в душе торжественно и чудно, как зимней ночью на Красной площади, когда кру-

гом никого и история отечества так и ударит в голову. Странную эту пьесу написал студиоц Виталий Соколов, системный-программист, поставил — Дмитрий Серов, учитель истории из Белинска, это сто километров от Пензы, давний друг Студии и сам имеющий в школе свою студию а художественный руководитель, ясное дело, — Елена Валентиновна Иванова. Пушкина играет Саша Сусович, 7-й класс, его больше зовут теперь «Александр Сергеич». И, клянусь, есть за что! Дико, но из всего, что я, к примеру, живя в Санкт-Петербурге и месяцами толкаясь в Москве, за юбилейный год видела, это — самый Пушкинский спектакль: искристый, неожиданный, интеллигентный, пронзительный, легкий и добрый. Хочется — как о человеке — сказать: нравственно безупречный, вот до чего. Такое просто так не поставишь и не сыграешь. Такое может родиться только в культурной среде и уже своим появлением эту среду создает.

В конце спектакля на секунду возникает Натали Гончарова (Настя Полякова, 8 лет), со своей мамой (Лариса Шаммина). Просто — чтобы обозначиться как судьба. Пушкин в этот момент слегка дерется с Дельвигом-Горчаковым-Кюхельбекером, само собой, лицеистами. «Мама, а они не сделают друг другу больно?» — вот единственная фраза маленькой Натали. И ответ взрослой Гончаровой: «Ну, что ты, Наташенька?! Они же — друзья и останутся друзьями на всю жизнь». Вслушайтесь в этот крошечный диалог! Кажется, он только тут и мог появиться, в Студии «Росток», — как девиз и пароль коллектива и его руководителя.

В ноябре 99 года Студия отметила свой двадцатилетний юбилей. Мы с Галиной Юрьевной — были.

А когда возвращались поздно ночью из Дворца культуры, что-то вдруг взблеснуло в сугробе. Лена проворно нагнулась и выхватила: «Ой, Зока, погляди, что я нашла!» Это была большая, со столовой ложкой, зеленая пуговица, овальная, с черными глазками-дырочками и загадочно сверкающая. «Волшебная! Хочешь тебе подарю?» — «Я потрясаю...» — «Ну, Димке подарю». — «Да зачем ему?» — «На счастье. В «Сказочку» ее вставит. Он, знаешь, какой умный! Японский учит». Вот ведь зануда...

Зоя

Союз писателей Санкт-Петербурга

В полнятого..

Ушла ты налегке. Я понимаю...
И в вашем далеке — покой и тишина.
Но тосковать — ты мне не
запретишь.
Тебя давно не слышно. И не видно.
Лишь в памяти — набатом —
голос твой....

А на душе тревожно и обидно:
Ну кем теперь заполню выходной?
Почем у вас там сахар,
спички, мыло?..

Каков сегодня Вид на урожай?
У нас, похоже, осень наступила...
Молю тебя я! Только не рожай!..

Анатолий Душин

Я знаю, для тебя главное — дети,
Головки — одуванчики в траве,
И нет детей счастливее на свете.
Когда ты гладишь их по голове...
Я не хочу опять прослыть уродом,
Читаю Заратустру и Босс,
Но дети малые становятся

Народом...

Ты — мать Народа. Это — уже все.
И это все. Тебя я не взволную.
И что в Народе этом ты нашла?!

Похоже, я тебя уже ревную...

Как? Ты уже дома? И давно пришла?

В дополнение к портрету Елены Валентиновны Ивановой мы помещаем это стихотворение, щемящий юмор которого исполнен, на наш взгляд, щемящего реализма. Тут есть то, о чем каждый из нас мечтает. Любовь, вот именно. И трепетное понимание, и ощущение разности и единства, все тут есть. И атмосфера дома, где живет эта нежная жизнь. Стихотворение это принадлежит Анатолию Васильевичу Душину, артисту Пензенского драматического театра и мужу Елены Валентиновны.

СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ ЛАБИРИНТА

Есть такая игра: один человек называет какое-нибудь слово (например, «корова»), другой тут же — свою ассоциацию с этим словом (например, «молоко»), затем подхватывает третий («мороженое») и так далее. В итоге набирается десятка два слов и может получиться такая цепочка: «корова-молоко-мороженое-радость-печаль-потеря-находка-бортун-Незнайка-шляпа-перья-кольца-свадьба-любовь-жизнь-смысл-философия». Полная бессмыслица, конечно, но смысл слов в данном случае не является самоцелью, впрочем, как и создание логики абсурда. Суть игры не в бесконечном нанизывании друг на друга смыслов, а в том, чтобы в определенный момент «раскрутить» все эти смыслы обратно. Это не так просто, как может показаться: общей логики в цепочке нет, ассоциацией связаны только два соседние слова, игроков может быть много (каждый со своими ассоциациями), так что, перепрыгивая с одной пары взаимосвязанных слов на другую и несколько раз сменив тему, мы рискуем очень далеко уйти от изначального смысла. В самом деле, что общего между «коровой» и «философией»!

Какое отношение все это имеет к сетевой литературе? — Как ни странно, самое непосредственное. Глобальная Сеть Internet, которую называют еще Глобальной Паутиной, основана на сходном принципе. Произведения внутри нее как бы нанизаны друг на друга. Тот текст, к которому мы обращаемся в самом начале, открывает нам входы во многие другие тексты, с которыми его связывают общие слова, смыслы или авторский произвол и через которые, в свою очередь, открываются ходы куда-то еще и так далее, далее, да-а-ле-е. Сетевой текст похож на коридор со множеством дверей, каждая из которых ведет куда-то, и мы никогда не знаем наверняка, куда именно она ведет и что откроется за ней в следующий момент. Это может быть что угодно: тупик, открытый космос, «корова» или «философия». Именно так реализуется одна из основных характеристик сетевого произведения — гипертекстуальность.

Теоретики сетевой литературы¹ уже дали гипертексту много удивительно красивых и поэтических названий: «сад расходящихся тропинок», «макраме», «книга книг», «текстовая паутина», — в сущности же речь идет об одном и том же — о лабиринте. Вся сеть представляет из себя огромный лабиринт, частью которого становится и литература.

Как и в случае с ассоциациями, по этому лабиринту можно очень долго бродить от понятия к понятию, от смысла к смыслу, от произведения к произведению и в конце концов потерять дорогу обратно, к изначальному произведению и смыслу. По-настоящему связаны будут только два соседние текста, никакой общей логики, кроме, разве что, логики абсурда. Это та же самая игра в ассоциации, с одним только существенным отличием: литературное произведение претендует на целостность, а блуждая от сноски к сноске, от слова к слову, мы все больше расползаемся в разные стороны, постепенно теряя даже ассоциативную связь. Из гипертекстовой паутины мы должны будем не просто вернуться к исходному тексту, что технически довольно просто, мы должны будем восстановить его смысл и связать этот смысл со всеми другими смыслами, открывшимися нам через гипертекст. А это еще сложнее, чем прочитать цепочку ассоциаций задом наперед, если вообще возможно.

В сущности, принцип гипертекста обладает огромным потенциалом. По убеждению теоретиков сетевой литературы, глобальная Сеть Internet должна со временем превратить все содержащиеся в ней произведения в одну глобальную книгу или в глобальную систему книг, которая объединит, свяжет, сплетет все вместе, все-ко-всем. Опасная, непредсказуемая идея, но какая заманчивая...

Идея связи-всего-ко-всем действительно плодотворна, и один из первых ее плодов — грандиозный лабиринт. Лабиринт всегда был и до сих пор остается загадочным, мифологическим, даже мистическим построением. Кажется, он несет некий запредельный, по-ту-сторонний, ну, «по крайней мере», философский смысл. Хотя, с другой стороны, он представляет собой «всего лишь» схему, закономерно-четко организованную систему разнообразных переходов, ходов, входов и, главное, выходов.

Ключевое слово здесь — «закономерность». Незакономерный лабиринт невозможен, бессмыслен, это уже и не лабиринт, а хаос. И в нем невозможно решение принципиальной для лабиринта проблемы выхода, которая, кстати, принципиальна и для литературы.

Трудно, конечно, предположить существование хаоса в такой высокоорганизованной системе, как Сеть, однако... Благодаря гипертекстуальности, сетевые произведения принципиально открыты, каждый из них — коридор со множеством дверей, лабиринт со множеством переходов в другие лабиринты. Как обнаружить здесь закономерность, как отличить значимое объединение текстов от произвольного, эпизода, использование гипертекстуальности как приема, встраивавшего наше сознание, позволяющего поместить любой текст в любой контекст и взглянуть на привычную вещь с непривычной точки зрения от простой небрежности или непоследовательности? Где грань, отделяющая лабиринт от хаоса?

Совсем недавно в Сети мне встретился один очень любопытный текст. Это был очередной монолог Гамлета, естественно, гипертекстуальный, запутанный во Всеобщей Паутине. В этом монологе оказалось очень много разных слов «дверей» (А не перестает ли от этого монолог быть монологом?). Одна из них называлась «присущих телу». Помни-те, у настоящего Гамлета:

И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу...

Так вот, именно эту дверь я и открыл. И в следующий момент оказалась в... Толковом сексологическом словаре.

Не берусь анализировать связь монолога Гамлета и сексологического словаря с литературной точки зрения, в конце концов, каждый волен в своих ассоциациях. Однако, с точки зрения лабиринта, не следует ли сетевой литературе быть более разборчивой в связях, даже если она пытается связать все-ко-всем? Иначе она рискует превратиться в проходной двор для разного рода ассоциаций, понятий и смыслов или в игру, увлекательную, но не более, чем игру.

На самом деле, идея связи всего-ко-всем вполне естественна в современном мире с его стремлением к соединению и взаимопроникновению, с его острым интересом ко всему смежному и пограничному. В сущности ведь и сама сетевая литература — явление пограничное: она существует на грани литературы и компьютерной технологии.

Идея Лабиринта в целом тоже закономерна и естественна. Она является фактом нашего сознания. На протяжении всей своей истории человечество строило лабиринты: каменные, магические, логические. Ничего удивительного нет в том, что на новом этапе своего развития оно создало электронный лабиринт, существенно изменивший его жизнь, литературу и мировоззрение.

Чем же так притягательна для нас эта вечная идея системы коридоров, переходов, дверей? Почему мы вновь и вновь к ней возвращаемся? Возможно, мы просто запутались в собственной жизни и ищем теперь подходящий лабиринт, чтобы из него выйти...

Екатерина Рейнина
Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ СУЗДАЛЬ

Немота представляется актуальным понятием для описания социокультурной реальности, обсуждавшейся на конференции «Языки науки — языки искусства» в Суздале. Основные значения — невыразимость и непонятность — верно характеризуют объект интереса — язык в его символической сущности и прикладных функциях.

Действительно, немота как результат переполненности смыслами сродни запретам эзотерических практик — знание являет себя без посредников, трансформируя реальность. Обет молчания как удар, когда отнимается грешный язык. Язык способен исказить уникальность и необщезначимость опыта, поэтому его избегают. Немота здесь во имя смысла, обязательный спутник опыта, гарант непредвзятости.

В то же время существует противоположное значение: немота как чужесть, недоступность, закрытость для понимания: не-мой, другой. Здесь неспособность или нежелание понять, незнание языка или отсутствие желания языка.

Прорыв в нелинейность и сопряжение языков происходит тогда, когда возможности старого смысла не исчерпаны, а однозначно приводят к ритуальному ожидаемому результату. Язык жив до тех пор, пока сохраняет многозначность символического действия. В противном случае он нуждается в тишине и новом узнавании. Немота — хороший спутник зоркости. Отчуждая привычку, обновляет мир. Немота здесь — аналог слепоты материи (Пригожин) в равновесии, прозревающей вне равновесия, когда каждая часть материи видит всю систему в целом.

За последние десятилетия язык философии обогатился понятиями, заимствованными из языка обыденности. Это жизненный мир, повседневность, игра, участие, традици-

онное действие, посредник, риск, понимание, поток, письмо, тело, архив, откат... Эти понятия обыденного опыта несут символическую нагрузку, требующую расшифровки в рамках различных семантик. Здесь проблема смысла и понимания приобретает фундаментальное значение, так как присвоение единичных смыслов областями конвенционального знания изменяет структуру понятия.

Многозначность понятий, невозможность верификации/фальсификации суждений, плюрализм истин и обнуление/архаизация опыта — характеристики наущной социокультурной реальности, для которой характерно стирание предшествующей традиции, право первоходца — первопечатника и первочитателя, идея уникальности, нетрансформируемости и нетранслируемости, самодостаточность, самоценность переживания и называния. Это не что иное, как идея тотальной немоты в условиях передозировки смыслов.

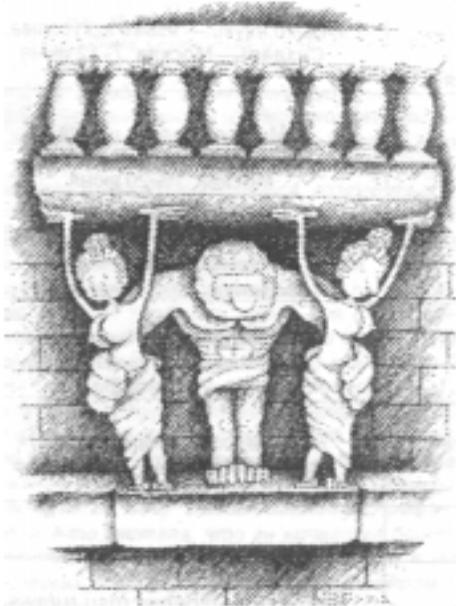
Именно поэтому наиболее богатым событием Суздаля-99 в области теории и практики оказался мастер-класс балетмейстера Геннадия Абрамова — пластический аналог идеи утраты абсолюта. Спонтанность и минималистская завершенность, ценность интуитивного, архаизация значения жеста, подразумевающая стирание всех обусловленных смыслов, кроме изначального. Такого рода язык не модернизирует нулевой опыт, а прямо является его, вызывает из небытия.

Самый предельный смысл немоты — молчание смерти. Всегда есть опасность гласа, вопиющего в пустыне. Скорбь молчащей культуры, декоративность симулякров монастырей, колодцев, крестьянских домов, усыпанных сеном улиц музея-Суздаля — забвение, обочина, — до тех пор, пока не заговорят колокола. Сама природа колокола как неравновесной системы делает его инструментом познания ритма пространства вне временных границ благодаря богатству обертонов значений и бесконечности звука/смысла.

Язык символического разговора с небом и литые вибрирующие языки, проговаривающие телесность канонических фигур звонов, развертывающие смыслы служения, самопознания и умного делания, даруют целостность, преемственность и воплощенную благодать.

Елена Шклярик

Лики науки и образования

*Вы знаете без всяких слов,
что мир — таков.
И если женщины опустят руки,
мир рухнет.
ни балкона, ни искусства, ни науки
не будет враз.*

Художник Игорь Шинкар, слова наши

«Госпожа Удача» — от имени всех членов Ассоциации — горячо поздравляет нашу коллегу из Астраханского педагогического университета Надежду Васильевну Аммосову с блестящей защитой докторской диссертации! И с удовлетворением отмечает, что ни подготовка к этому нервному событию, ни даже сама защита, требующая, как известно, предельной концентрации всех сил диссертанта, не помешали Надежде Васильевне возглавить Оргкомитет надвигающейся ко Астрахань-2000. Мы любим таких сил!

Удача программиста

Третий год подряд мы ездим ловить свою удачу в Санкт-Петербург. Пока она только подмигивает нам, но мы надеемся на ее улыбку. Мы — это команда Волгоградского университета по программированию — три студента и один преподаватель — руководитель команды. А ездим мы на полуфинальные соревнования командного чемпионата мира по программированию Северо-Восточного Европейского региона. Международная организация Association for Computing Machinery (ACM) начиная с 1977 года ежегодно проводит чемпионат мира по программированию среди сборных команд высших учебных заведений. Схема организации чемпионата включает два этапа: региональный и финальный. Команды-победительницы региональных групп выходят в финал и разыгрывают звания чемпионов мира, Европы, Северной Америки и других континентов. За более чем двадцатилетнюю историю состязаний сформировались международные правила этих соревнований, в соответствии с которыми команда из трех участников, предоставляемая один компьютер и предлагается в течение пяти часов решить максимальное число предложенных задач (обычно 6-8).

Побеждает команда, решившая наибольшее число задач, а в случае равенства числа решенных задач — команда, затратившая меньше времени. Характер традиционно предлагаемых задач предполагает, что участники продемонстрируют свое мастерство как в искусстве компьютерной алгоритмизации задач, так и в составлении эффективных программ, реализующих выбранные для решения алгоритмы.

Соревнования Северо-Восточного региона проходят в одном из красивейших и старейших зданий Санкт-Петербурга — Аничковом дворце. Компьютеры в старинных залах дворца воспринимаются вполне естественно: искусство архитекторов и живописцев сочетается с искусством программирования и вызывает восхищение. Интеллектуальные игры программистской элиты России и стран СНГ в Санкт-Петербурге — это настоящий праздник для всех участников, спасибо устроителям — Санкт-Петербургскому государственному институту точной механики и оптики. В последних соревнованиях 1999 года приняли участие 62 высших учебных заведения, представившие более 80 команд.

Успехи команды Волгоградского университета пока скромны: мы решили четыре задачи из восьми. Максимальное число решенных задач было 6. Но из-за штрафного времени, которое ушло на решение пятой и шестой задач, так и не сданных жюри, наша команда заняла 29-е место. Участники соревнований: капитан команды Сергей Мишин, Александр Неклюдов, Сергей Фуканчик и руководитель команды Татьяна Анатольевна Васильева сфотографировались с генеральным директором чемпионата ACM Билом Пучером.

Татьяна Васильева

Волгоградский государствен

Наши конференции

Есть в истории науки удивительная вещь:
вечно ей ломают руки, а наука — вечно есть

	Математика. Компьютер. Образование	Женщины-математики	Нелинейный мир
2001	VIII Москва—Пущино 29 января-3 февраля	VIII Чебоксары 28 мая-2 июня	VI Краснодар, Черное море 17-22 сентября
2000	VII Москва—Дубна 23-30 января	VIII Воронеж 22-27 мая	V Астрахань 25-30 сентября
1999	VI Москва—Пущино 24-31 января	VII «Математика. Экономика. Экология. Образование» Новороссийск 26 мая-1 июня	IV «Языки науки — языки искусства» Сузdalь—Москва 7-12 июня
1998	V Москва—Дубна 26-30 января	VI «Математика. Образование. Экономика» Чебоксары 25-29 мая	Международная школа «Теоретическая Биофизика» Москва 16-20 июня
1997	IV Москва—Пущино 29 января—3 февраля	V «Математика и Экономика» Новороссийск 26-30 мая	III «Экологическое образование и Нелинейное мышление» Воронеж 22-28 сентября
1996	III Москва—Дубна 29 января—3 февраля	IV «Математика. Моделирование. Экология» Волгоград 27-31 мая	II «Математика и Искусство» Москва—Сузdalь 23-27 сентября
1995	II Москва—Пущино 27 февраля—3 марта	III «Математика, Моделирование, Экология» Воронеж 29 мая-2 июня	I «Критерии самоорганизации» Москва—Сузdalь 12-18 июня
1994	I Москва—Дубна Январь	II Пущино Май	
1993		I Сузdalь Май	Информацию см.: http://mars.biophys.rnsu.ru/awse